

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье феномен городской идентичности рассматривается в дискурсе концепции архетипов коллективного бессознательного. Исследуется роль архетипа Самости в формировании архетипического образа города. Главное преимущество обращения к данной концепции в исследовании проблематики городской идентичности автор видит в том, что она не только обладает большой объяснительной силой (например, ясно и убедительно показывает, почему название «Великий Новгород» говорит сердцу больше, чем «Нижний Новгород», а лексема «Ростов-папа» экзистенциально выразительнее лексемы «Ростов — областной административный центр»), но и дает надежную методологическую базу для концептуализации разрозненного материала, накопленного в различных областях исследований. Как представляется автору, предлагаемый подход может послужить основой для системного конструирования и корректировки экзистенциальной составляющей городской идентичности.

Ключевые слова: архетипический образ города, городская идентичность, архетип Самости, Мы-Самость.

Под архетипами договоримся понимать эволюционно предзаданные бессознательные алгоритмы выстраивания в сознании индивида образов действительности. Иными словами, архетипы суть лекала, по которым кроются образы феноменов и событий социальной реальности. Архетипы не присутствуют в сознании непосредственно, они представлены в нем архетипическими образами. Архетипические образы, возникающие в результате работы бессознательных архетипических программ, связывают происходящее в социальной реальности с теми или иными экзистенциальными смыслами (символизируют происходящее).

Экзистенциальная значимость архетипических образов, их эмоциональная и символическая нагруженность обусловлены их способностью вызывать нуминозные (от лат. *numen* — божественный) переживания. Особенность нуминозных переживаний в том, что они представляются субъекту не столько его собственными эмоциональными состояниями, сколько императивами, как бы транслируемыми ему извне таинственной и непреодолимой силой. Как отмечает К. Г. Юнг, нуминозные образы и вызываемые ими переживания-повеления имеют изначально неморальный (амбивалентный) характер и отличаются крайней степенью интенсивности, что создает предпосылки для их сакрализации [1].

Архетипы коллективного бессознательного многие тысячелетия стихийно формировали в общественном сознании образы феноменов социальной реальности, их открытие сделало возможным создание рациональных технологий конструирования архетипических образов как инструментов воздействия на сознание и поведение масс.

ARCHETYPICAL IMAGES IN THE CONSTRUCTION OF URBAN IDENTITY

The phenomenon of urban identity in the conception of archetypes of the collective unconscious is considered in the article. The role of the archetype of Selfness in the formation of the archetypal image of the city is studied. The main advantage of referring to this concept in the study of urban identity is that it has a great explanatory power (for example, it convincingly shows why the name Veliky Novgorod denotes more than Nizhny Novgorod, and the lexeme “Rostov-papa” is existentially more expressive than the lexeme “Rostov is the regional administrative center”), but it also provides a reliable methodological basis for the conceptualization of disparate material accumulated in various fields of research. In author’s viewpoint, this approach can serve as a basis for constructing and correcting the existential component of urban identity.

Keywords: archetypal image of the city, urban identity, archetype of Selfhood, We-Selfhood.

Согласно К. Г. Юнгу, системообразующим центром коллективного бессознательного является архетип Самости — программа, автоматически конституирующая образ действительности как того, что происходит между «Я» и «не-Я» (всем остальным миром) [1]. Любая индивидуальная Самость в любой момент времени обнаруживает себя в центре бытия, поскольку бытие для нее и есть то, что происходит именно с ней. Собственно говоря, этот воспроизводимый в любой момент времени акт самообнаружения есть необходимое и достаточное условие для самоидентификации Самости. В этом смысле она, что бы с ней ни происходило, неизменно самостождественна для самой себя. Однако чтобы быть узнаваемой (идентифицируемой) собой и другими как именно эта Самость (именно этот центр бытия), она должна отличаться от них. Для этого ей необходимо идентифицировать себя как обладательницу и предъявительницу уникального набора внешних и внутренних особенностей, неповторимой биографии. Такого рода идентификаторами для Самости становятся сакрализованные архетипические образы.

Поскольку Самость человека находится в центре его бытия, а место бытия современного человека — город, постольку его Самость помещает город в центр своего мира. Для этого Самость конституирует и включает в свой самообраз сакрализованные архетипические образы городских достопримечательностей, присваивает его биографию, принимает созданные городом экзистенциальные смыслы и ценности. Идентифицировать себя как городского человека — значит экзистенциально ощутить нерасторжимое родство с городом, безальтернативное единство собственной

судьбы с его судьбой, воспринять его жизнь как свою собственную. В процессе такой идентификации Я-Самость индивида разрастается до Мы-Самости горожанина.

Архетипический образ города конструируется коллективным бессознательным как образ Мы-Самости. Оно наделяет этот образ уникальным обликом, т. е. маркирует набором рукотворных и природных сакральных мест, создает биографию, наполненную судьбоносными событиями, мифологизированными образами отцов-основателей, героев, святых, злодеев, чудотворцев, чудаков, роковых красавиц и т. д. Вообще, в формировании образа Мы-Самости по принципу фрактала задействованы образы, конституируемые связанными с архетипом Самости архетипами мудреца, воина, отца, матери, тени, божественного младенца, чужого, злодея, трикстера и т. д.

Выразительной иллюстрацией архетипического образа городской Мы-Самости является стихотворение Р. Рождественского (в поэтических образах вообще не обходится без архетипической составляющей):

Я — как город. Огромный город.
 Может, ближний. А может, дальний...
 Города на приезжий гомон
 поворачиваются площадями.
 Поворачиваются, охмуряют
 главной улицей, главной набережной,
 Речкой — будто хвостом — виляют.
 Рассыпаются в речи набожной.
 В них тепло, торжественно, солнечно!
 Есть Центральный проспект, а поблизости:
 Площадь Юмора, Площадь Совесть,
 Дом Спокойствия, Дом Справедливости... [2].

Как видим, представив себя городом, поэт представил город человеком. Город ведет себя как человек: хочет создать о себе незабываемое впечатление, очаровывает ландшафтными и рукотворными достопримечательностями, историческими именами и названиями, своими мифами, реальными и мнимыми достоинствами.

Впрочем, Самость города, как и Самость человека, имеет тень. Архетип тени проявлен во второй части стихотворения:

А дома — просторны, дома — легки.
 Все продуманно. Целенаправленно...
 Я — как город. Но есть в городах тупики.
 Прокопченные есть окраины.
 Там на всех углах темнота хрипит.
 Там плакатами дыры заделаны.
 Равнодушный тупик. Усталый тупик.
 Дом Бездельничанья. Дом Безденежья...
 Никого нет на этих улочках.
 Страшновато с ними знакомиться:
 Тупики не тупые — умничают.
 Тупики не тупые — колются [2].

Внедренные в образы города архетипические символы и смыслы создают эмоциональные предпосылки для восприятия городской реальности как идентичной подлинной человеческой природе, устраняют экзистенциальные пре-

пятствия для идентификации индивидом себя как горожанина. В результате житель города сам начинает ощущать себя частью городского мифа и в значительной степени сам становится мифическим существом. Тем самым «неестественное» бытие горожанина в мифологизированном образе города стремится обрести статус подлинного.

Идентичность горожанина (новгородца, омича, красноярца, москвича и т. д.) предполагает не только вписанность в географический и культурный ландшафт, но и чувство «общности совместной судьбы», экзистенциальную «отмену границ» между его Самостью и коллективной Мы-Самостью города. При этом Мы-Самости горожанина принципиально важно «отгородиться» от Мы-Самостей всех прочих городов уникальными сакрализованными смыслами, например: именем, особенностями ландшафта, биографией, говором, манерой одеваться, знаменитыми земляками.

Одно из важнейших противоречий в жизненном мире горожанина обусловлено разнонаправленностью идентификационных императивов Я-Самости индивида и Мы-Самости города: в то время как человек стремится создать идентичную его естественной человеческой природе среду обитания, город формирует идентичного своей искусственной природе искусственного человека.

Я-Самость человека «измеряет» городскую реальность экзистенциальными линейками: комфортное — дискомфортное, угрожающее — защищающее, родное — чуждое, привлекательное — отталкивающее и т. д. Мы-Самость города измеряет человека такими параметрами, как соответствие — несоответствие предъявляемым ему городской средой нормам, императивам и ожиданиям; легитимность — нелегитимность поступков; успешность — неуспешность в освоении навязанных городом социальных ролей; статус, величина влияния на функционирование структур городского «человека» и т. п.

Для городского «человека» горожанин не более чем вещь, функционал которой определяется нуждами этого «человека». «Человек» задает свои идентификационные императивы всем своим жителям, от офисного планктона до академика, формирует их взгляды, ценности, потребности, определяет порядок жизнедеятельности, формирует их социальные качества, пороки и добродетели.

В процессе «огораживания» человек привязывается к искусственной среде, вне которой он не в состоянии функционировать и воспроизводиться. В этой среде он сам становится все более искусственным: город снабжает его искусственными органами и искусственными удовольствиями, а взамен требует от него искусственных реакций, искусственных чувств, неестественных отношений.

Как справедливо отмечает Г. В. Горнова, современный горожанин, как и две тысячи лет назад, хочет быть мерой всех вещей [3, с. 22]. Человеку естественно хотеть, чтобы искусственно создаваемая городская среда со всеми ее составляющими (ландшафтом, архитектурой, инфраструктурой и т. д.) была соразмерна ему, идентична его человеческой природе. Между тем на протяжении тысячелетий город все более настойчиво навязывает человеку свои мерки: он диктует свои жесткие, неестественные поведенческие

и экзистенциальные императивы и предъявляет огромные счета тем, кто этим императивам не следует.

По мере расширения пропасти между искусственной городской и естественной природной средами город становится все более человеконесоразмерным: он обрекает горожанина на одиночество в толпе, превращает земляков-соседей в «знакомых незнакомцев», архетипически воспринимаемых чужаками. Величина Я-Самости конкретного индивида в масштабах Мы-Самости города стремится к нулю (как пел популярный в прошлом веке бард В. Токарев, «небоскребы, небоскребы, а я маленький такой...»). В процессе противостояния императивов города и человека город начинает восприниматься человеком как враждебная ему Самость.

Противоречие между требованиями, предъявляемыми друг другу Самостями города и человека, становится одной из главных антиномий современной городской культуры. Эволюционное прошлое человека противостоит его попытке сродниться с искусственной городской средой, которая необратимо извращает архетипические программы поведения, превращая их в инструменты отчуждения человека от себя самого. В результате разрушается «связь между сознанием человека и коллективным бессознательным человечества» [4, с. 64].

Видимо, для разрешения этого противоречия человеку предстоит не только конструировать новую высокотехнологичную городскую среду, но и изобретать искусственные архетипические программы, конституирующие новые смыслы, которые позволят горожанину ощущать город не временным неблагоустроенным пристанищем, а подлинным домом своего бытия.

1. Юнг К. Г. AION. Исследование феноменологии Самости. Киев : Ваклер, 1997. 336 с.

2. Рождественский Р. Поэма о разных точках зрения // Шестидесятники. Избранное : [сайт]. URL: <https://robert-rozhdestvenskiy.ru/poema-o-raznykh-tochkah-zreniya> (дата обращения: 10.06.2019).

3. Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: категорический императив градостроительства // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 22–25.

4. Горнова Г. В. HOMO URBANUS: Антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан : моногр. Омск : Амфора, 2011. 124 с.

© Грицков Ю. В., 2019

УДК 14+82.9

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-14-17

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНТИУТОПИИ

В статье на основе анализа художественных антиутопий выявлены онтологические основания этого типа художественных произведений. В качестве онтологических оснований называются эсхатологизм, амбивалентность и отношение к науке. Делается вывод о присутствии философских смыслов в любой антиутопии.

Ключевые слова: онтология, антиутопия, образ будущего, амбивалентность, сциентизм, антисциентизм.

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN ANTI-UTOPIA

Based on the analysis of literary anti-utopias, the article reveals the ontological bases of this type of artistic works. Eschatologism, ambivalence and attitude to science are identified as ontological grounds. It is concluded that philosophical meanings are present in any anti-utopia.

Keywords: ontology, anti-utopia, image of the future, ambivalence, scientism, anti-scientism.

Расцвет антиутопии приходится на XX в. «Связано это, очевидно, прежде всего, с приведением в движение тех социальных механизмов, благодаря которым массовое духовное порабощение на основе современных научных достижений стало реальностью. Мироздание по Гитлеру в Германии... мироздание по Сталину в Советском Союзе... стали зеркальным отражением мировоззрения по Шигалеву. Безусловно, в первую очередь именно на основе реалий XX в. возникла социальная модель в произведениях таких очень разных писателей, как А. Платонов и Е. Замятин, Дж. Оруэлл и Р. Брэдбери» [1, с. 16]. Антиутопия родилась как оппозиция утопии, имеющей длительную историю как в качестве литературного жанра, так и в виде философского трактата. Антиутопия в современной культуре стала привычным жанром и в кино, и в литературе,

и на телевидении. «Антиутопия становится очевидным достоянием XX в. в силу своей несомненной связи с научно-технической цивилизацией... В сочетании с трагическими событиями века... которые в одночасье поставили человечество перед угрозой уничтожения едва ли не всех прежних ориентиров существования, перед цивилизацией встает все более опасная инерция разрушения. <...> Но в данный момент, еще не ставший историческим, уже таящий в себе знаки кардинальных перемен, ожидающих человечество в XXI в., вновь мощно материализуется вопрос о будущем. ...Утопия или антиутопия, или какой-то еще неведомый “симбиоз этого жанра” не только не сойдет с литературной сцены, причем с самых видимых ее площадок, но приобретет невиданный масштаб актуальности» [2, с. 19].